

Молодой Фет (стихотворение относится к 1842 г.) сосредоточен здесь на звуковых эффектах — развитие мелодики как таковой является позже. Бальмонт сильно всего связан именно с этим направлением фетовской лирики — в его стихе фоника гораздо богаче и активнее мелодики. Здесь Фет открывает дорогу Бальмонту, который недаром и ссылается на это стихотворение: «Это магическое песнопение так же построено все на Б, Р и в особенности на немеющем М... этот волшебник, чародей стиха, был Фет, чье имя как вешний сад, наполненный кликами радостных птиц. Это светлое имя я возношу как имя провозвестника тех звуковых гаданий и угаданий стиха, которые через десятки лет воплотились в книгах «Тишина», «Горящие здания», «Будем как солнце» и будут длиться через «Зарево Зорь»¹⁴.

Мы попытались объяснить одну из самых «уязвимых» и узнаваемых сторон творчества Бальмонта, вызвавшую столько нареканий со стороны критики и создавшей ему репутацию «графомана». Развивая теоретически и практически звуковую теорию стиха, Бальмонт следовал (возможно, не всегда удачно) традициям русской (А. Фет) и западноевропейской (А. Рембо, Ш. Бодлер) поэзии.

Помимо хрестоматийных стихотворений Бальмонта новую грань поэзии открывают его малоизвестные произведения. Так, в сборнике «Будем как солнце» (1903) было опубликовано стихотворение: «Что достойно, что бесчестно...»:

Что достойно, что бесчестно,
Что умам людским известно,
Что идет из рода в род,
Все, чему в цепях не тесно,
Смертью тусклою умрет.
Мне людское не знакомо,
Мне понятней голос грома,
Мне понятней звуки волн,
Одинокий темный челн
И далекий парус белый
Над равниной поседелой,
Над пустыней мертвых вод,
Мне понятен гордый, смелый,
Безотчетный крик: «Вперед!»

¹⁴ Бальмонт К. Д. Поэзия как волшебство. С. 85.

Интересна судьба этого стихотворения. Оно было опубликовано в первом издании сборника. В последующие выпуски автор не включал его, не вошло оно и в книгу, вышедшую в серии «Библиотека поэта». И лишь в 1980 году оно было опубликовано в сборнике «К. Бальмонт. Избранное». Видимо, поэтому стихотворение это и не попало в поле зрения исследователей, занимавшихся творчеством поэта.

В экземпляре сборника «Будем как солнце», подаренном В. Я. Брюсову и хранящемся в архиве К. Д. Бальмонта в отделе рукописей ГПБ им. В. И. Ленина, на полях против строк:

Одинокий темный челн
И далекий парус белый...

стоит помета: «Лермонтов!», сделанная карандашом рукою Брюсова. Действительно, в этих строках есть аналогия со знаменитым «Парусом» М. Ю. Лермонтова, но эта «цитата» не удивительна. Лермонтов — один из самых любимых поэтов Бальмонта, образ мятежного паруса — распространенный стереотип — символ в романтической поэзии. Тем более, что «цитата» из лермонтовского стихотворения не совсем прямая, в нее «вклинивается» темный челн — образ, столь характерный и любимый Бальмонтом.

Интересны и другие строки этого стихотворения:

Мне людское незнакомо,
Мне понятней голос грома,
Мне понятней звуки волн...
Над равниной поседелой,
Над пустыней мертвых вод,
Мне понятен гордый, смелый,
Безотчетный крик: «Вперед!»

Сравним эту часть стихотворения с «Песней о Буревестнике» А. М. Горького: «Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный...»

Стихотворение Горького, написанное в 1901 году, было запрещено цензурой, его восприняли как призыв к революции. Даже официальная пресса откликнулась на появление «Песни о Буревестнике»: «...разве все это не полные глубокой мысли творения, разве это все не вечно живая, трепещущая, бьющаяся мысль о всем нынешнем, существующем, являющаяся в формах великого, страстного поэтического